

Анатолий Королев,
Москва

**КОММЕНТАРИИ К РОМАНУ «ЗМЕЯ В ЗЕРКАЛЕ»
(Ответы на вопросы И. С. Скоропановой)**

Что подтолкнуло меня обыграть сюжет о Красной Шапочке?

Тут сошлись два фактора.

Первый — мое наивное еще детское впечатление от сказки Перро, которая меня напугала (вкуче со сказкой Мальчик-с-пальчик). На мой взгляд, именно эта сказка впервые говорит на ухо ребенку, то о чем помалкивают родители: ты ведь умрешь.

Я пережил ее со всем перестуком детского сердца.

Оказывается, бывает так, что тебя вдруг выставят за дверь дома:

Сходи! Отнеси бабушке, гостинец!.. и ты идешь впервые в жизни один-одинешенек (и так будет всегда), через какой-то лес, что это за «лес», для меня в четыре-пять лет, когда мама читала мне сказку, не очень ясно, но страшно, тебя может подкараулить волк (он может тебя съесть), но если волк все-таки лишь страшилка, мы в детском саду наряжались для ёлки в зверушек, то развилка на пути пугает уже не на шутку.

Давай наперегонки, говорит волк, ты побежишь по левой тропинке, а я по правой... оказывается, дорога может раздваиваться и тебе придется выбирать (и так будет всегда), ну и так далее, вплоть до финала: родная бабушка может тебя обмануть и съесть...

То есть, через страшную сказку проступает матрица бытия человека: ты родился, чтобы уйти навсегда из дома, и обречен всю жизнь идти через лес по тропе бесконечных развилочек...

На подсознательном уровне уязвимость Красной Шапочки еще один дополнительный штрих: твоя участь — всего лишь шелковая материя красноватого цвета крови, которую легко протыкают штопальные иглы (зубы волка) в любом месте. В кругу вышивальных пялец — а пяльцы архетип этой сказки — ты уязвим для штопки судьбы (и так будет всегда).

Мама моя была вышивальщица, пяльцы, ткань, катушки ниток и иглы от меня прятались: не тронь, уколешься!

Бывало, что и укалывался до крови.

Рок, который в романе преследует мою героиню Лизу Розмарин, сродни незримой исполинской игле, колющей снизу, там, где не видно.

Итак, решено: судьба моей главной героини в будущей книге будет отражением участи Красной Шапочки, сказки Перро, каковую она выбрала талисманом.

Так я искал лейтмотив уязвимости.

Второй момент был сложнее.

Напомню, я начал писать свой роман (старт: февраль 1995 г. конец работы сентябрь 1996 года) вдоль примерной сюжетной канвы, без финальной развязки о гибели Олимпа. В точке старта мне виделся чисто детективный сюжет из трех линий: судьба Лизы Розмарин, которая по иронии судьбы превратилась в угрозу для жизни генерала психотропной разведки (второй персонаж), по сути, стала его смертью (тезис: непобедимая сила ясновидца имеет обратную сторону — она усиливает уязвимость такого вот всемогущего гения от роковых пустяков). Третьим героем сюжета, тем, кто против воли включился в поединок векторов Провидения, стал удачливый игрок на бегах, нерадивый студент Герман. На него падает выбор генерала в поисках надежной защиты от неизвестного врага... и т.д.

Именно в таком вот детективном ключе, с элементами экзистенциального подтекста, я и приступил к роману, но, написав первые 70 страниц, я понял, что писать только детектив мне неинтересно, что, пожалуй, следует отыскать иное измерение сюжета, чем поединок ясновидца и его оруженосца Германа с неизвестной красоткой, в которой — как в известном яйце Кощея — спрятана смерть бессмертного: игла в яйце, яйцо в утке, утка в зайце и т.д.

А что если сделать подкладкой сюжета античность, попытку олимпийских богов остановить наступление новой эры?

Вопрос мгновенно превратился в решение.

(Вот запись из рабочего дневника: «30 июня 1995 — окончательное решение по «Змее в з» — подкладка всех событий — восстание античных богов»).

Бог мой! Какой детектив? Да это же заговор языческого Аида и Гермеса против зарождающегося христианства! А та, которой я планировал сочувствовать на протяжении всего романа, моя Красная Шапочка, чаровница Лиза Розмарин, невинная жертва коварной мачехи, на самом деле, на самом деле...

Тут я уже начинаю отвечать на ваш второй вопрос:

Образ Герсы — ваша фантазия, или у нее есть «прототип»?

Для чистоты и полноты ответа, придется отскочить из 1995 года на 20 лет ниже, в годы 1975-1980, в полосу написания моей первой

опубликованной книги, речь о повести «Страж западни» (Молодая гвардия; 1984). Так вот, как вы знаете, я начинал с эстетического вызова, с дерзости, с модернистского текста «Дракон» и с попытки написать роман о Босхе (да еще и на фоне моего тогдашнего диссидентства).

Убедившись, что мои экстремальные поиски никогда не станут книгами, я сменил оптику и стал искать творческий компромисс — как, не изменив себе, написать роман, который сможет выйти в свет в СССР и позволит мне войти в круг профессиональных писателей?

Итогом этой стратегии стал роман с игровым названием «Мотылек на булавке в шляпной картонке с двойным дном»; первый вариант этого опуса «Ловушка на ловца» я успешно опубликовал в сборнике приключений и фантастики Урала («Поиск-80»).

Выход сборника совпал с переездом в Москву, где я продолжил работу над опусом (видел, что там много возможностей не реализовано), и, в конце концов, в 1982 году работу закончил. Роман «Мотылек на булавке в шляпной картонке с двойным дном» и вышел в свет в 1984 году под названием «Страж западни».

Причем же здесь Герса?

А притом, что ключ для образности романа «Мотылек на булавке...» я нашел в античной мифологии, я населил текст (пародию о гражданской войне!) дриадами, у лошадей вырастали руки, как у кентавров, и они могли вынуть удила из пасти друг друга, моя гарпия из итальянского цирка была копией стримфалиды и т.д.

Эта античная нота произвела весьма сильное впечатление на моего редактора Адель Алексееву в издательстве, и после выхода книги она предложила мне продолжить сотрудничество и написать новый вариант изложения древнегреческих мифов для юношества, потому де, что классический труд Николая Куна «Мифы и легенды Древней Греции» (1922) давно устарел и что требуется свежая образность, что они еще пару лет назад предложили это сделать самому Аверинцеву, но тот фактически отказался.

Это было сенсационное и лестное предложение для дебютанта, вчерашнего провинциала, автора одной-единственной книжки (она имела успех и 100-тысячный тираж повторили), даже еще не члена СП... я, конечно, горячо согласился и примерно на полгода (осенью 1984 и зимой 1985) погрузился в работу над будущей книгой, ушел с головой в античность и ее мифологию, но...

Но в ситуацию вмешался сам С. Аверинцев.

Не знаю подробностей, но вдруг он согласился составить такой вот новый сборник мифов в своей обработке, чего, правда, так все же и не сделал до конца жизни.

Издатели извинились и переадресовали задачу знатоку.

Признаюсь, я даже был рад такому повороту, потому что, оглядевшись внутри контуров исполинской задачи, я понял, что на ее исполнение уйдет не один год.

Но память моя — толпой облаков над горами — надолго заполнилась богами Олимпа.

И вот, в 1995 году, через десять лет, в начале написания романа «Охота на ясновидца», — накопленное знание и настроение прорвалось.... Я вдруг прозрел изнанку этой истории, глубину возможного утращения смыслов. Герман — это же Гермес! А генерал Август Эхо, конечно, Аид, а Лиза... Лиза, она та самая, кто одолела Зевса и опрокинула античный мир к ногам Христа!

Осталось только дать ей имя и сочинить ее миф.

Надо сказать, что мысли о том, как погас свет Олимпа, что случилось с Зевсом, с Аполлоном и всей золотой свитой Дия, порой накатывали. Накатывали и уходили. Ведь мифология никогда не грешила самоубийством целого космоса. Могли погибнуть только герои, Геракл, например, отравленный ядом туники, сжег себя на костре. Победенный Зевсом, отец Кронос был всего лишь сброшен на дно Аида, где его сторожили сторукие гиганты. Даже помыслить в греческом мифе миф о гибели Зевса и Посейдона нелепо, боги бессмертны. Того же Геракла из пламени облако унесло на Олимп, где Зевс приобщил своего земного незаконного сына к богам.

И все же на смену античности пришел космос Христа.

И все же в известном смысле олимпийские боги погибли.

Кто мог бы бросить вызов эллинским богам?

Размышляя над ответом, я решил, что по краю касания — опускаемся уже на 2 тысячи к черте новой эры — когда Олимп и Фавор (гора преображения Господня) существовали одновременно, — победа новой веры могла реализовать себя только в формах существующей мифологии. Как Зевсу пришлось десять лет сражаться с отцом, как Улиссу понадобилось проткнуть колом глаз циклопа, так же по колено в крови пришлось бы сражаться с олимпийцами новым богам. Но для титанической битвы новички не годились. Ни Христос, ни другой победитель язычества еврейский Яхве не могли сражаться с богами Олимпа в задуманном мной мифе, их сила изначально бескровна.

Может быть, ангелы?

Но и свита божественной силы, те же архангелы-воины, на мой взгляд, тоже не подходили для схватки с Дием, слишком красивы.

Нет, антиподы Олимпа должны иметь вид хтонических монстров.

Тут мой поиск сосредоточился на фигуре Иоанна Предтечи.

В нем наличествовала явная дикость язычества: шкура из верблюжьего волоса поверх голого тела, длинные космы до пояса, звериная жизнь в пустыне, где Предтеча питался саранчой и акридами. Мать такого косматого чудища вполне сама могла быть чудовищем...

Короче мой выбор пал на юную мать Предтечи — Елизавету.

Сработало и случайное совпадение ее имени с именем моей героини Лизы Розмарин.

Вот то непобедимое существо, думал я, которое силой будущего, правотой единобожия, ужасом Страшного суда, мощью Нового завета, как таран протаранит пресыщенный античный Олимп... осталось только придумать ее судьбу и найти ее дохристианское имя. Ведь классическая евангельская богобоязненная старушонка Елизавета, супруга Захарии, дочь храмового священника на роль истребителя олимпийских богов никак не годилась.

Зерно гибели я стал искать в греческих мифах.

Та дева должна была быть отдаленной копией Красной Шапочки.

У той, которую я искал должны быть два отличительных признака — а) она должна быть как-то связана с богом Гермесом (моим Германом) и б) в ее судьбе должна присутствовать «корзинка с гостинцами», нечто такое, внутри чего спрятана тайна.

Так я шагами поиска вскоре вышел на миф о Герсе, дочери царя Кекропса, которую любил бог Гермес (ага!), и которая была еще и хранительницей одного важного беспрецедентного секрета, а именно она хранила в царском доме закрытый ящик Афины Паллады.

Ящик богиня передала на сохранность Герсе и двум ее сестрам.

Что в нём хранилось, никто не знал.

Афина Паллада строго-настрого запретила его открывать и уж тем более заглядывать внутрь. Но сестры Герса и Аглавра не справились с любопытством и нарушили запрет богини. Открыли ящик. Там лежал младенец Эрихтоний, наполовину мальчик, наполовину змей. То был нечаянный плод попытки насилия Гефеста над Афиной, но обронивший свое семя не на нее, а на Гею. Гея понесла ребенка, Афина пришла ей на помощь, а приняв роды у Геи, бездетная Афина решила считать дитя своим сыном и даже задумала сделать младенца-змия бессмертным, ...возможно, с его помощью она задумала свергнуть Зевса с Олимпа, но. Но сестры нарушили тайну, отняли крышку, увидели, вскрикнули от испуга и змий-младенец, проснувшись, убил Герсу с Аглаврой за святотатство.

Герса! Женская тень Гермеса...

Вот каким будет дохристианское имя Елизаветы!

Этот малоизвестный мифический эпизод показался мне подходящим для переделки в миф про гибель Олимпа, и заодно подсказал, что именно должно храниться как секрет в «корзинке с гостинцами» у Герсы. По аналогии с Лизой, которая прятала свой детский амулет, любимую книжечку сказок Перро в дамской сумке, ее нечеловеческая тень хранила при себе в кошеле пастуха змею, обвившую свиток.

Осталось понять, что за свиток таила от всех воительница света?

Ответ был мгновенным...

Это Новый Завет — тайна тайн грядущего христианства!

А оружием Герсы будет зеркало, потому что зеркало своим отражением удваивает силу ответной атаки. Тут мне примером послужил миф о Персее, который победил кошмарную Медузу Горгону зеркальным щитом. Отражение взгляда, убивающее все живое, убило и саму Медузу.

Так появилось новое название романа — «Змея в зеркале».

Чтобы точнее вспомнить детали 95 г., достаю папку с досье.

Заглянув в черновик, нахожу начало работы над мифом о закате Олимпа (15.04. 1996), оказывается, я решил его встроить не в финал романа, а в начало 9-ой главы...

Неудачное решение вскоре сказалось, миф заката стал створаживаться на глазах и, написав 6 стр., я остановил работу,... нет, нет... эпохальный миф о конце олимпийских богов, может быть только эпилогом романа.

Финал романа был написан в августе того же года.

Так, эпилог на ипподроме — встреча Гермеса с Гипносом — стал краеугольным фундаментом всей истории. Миф о дочерях Кекропса и ящике Афины Паллады я отставил в сторону и стал писать с нуля историю Герсы, которую выловил рыбак сетью у острова Сарин — дитя дремало в плетеной ивовой корзинке, обмазанной глиной, а змея обвивала ее ноги. Убив змею камнем, рыбак отнес корзинку с ребенком своему брату царю острова Полидекту, у которого не было детей. Имя девочки было написано на пеленках. А под ними царь нашел пергаментный свиток, исписанный непонятными буквами и зеркальце... ну и т.д.

Историю воительницы Герсы я писал симметрично с эпизодами истории ее дневного двойника Лизы.

Мне неизвестны мифы о гибели Олимпа.

Этот финал весь на моей писательской совести и у него нет никаких истоков, кроме моего воображения.

Что еще?

В итоге нескольких лет работы у меня на руках оказались:

1. Охота на ясновидца. Роман. М; Гелеос. 1998. 32,7 авт.л. 623 стр.

2. Сокращенный и перелицованный по новым осям смысла вариант для журнала «Дружба народов» под названием «Змея в зеркале, которое спрятано на дне корзинки с гостинцами, какую несет в руке Красная Шапочка, бегущая через лес по волчьей тропе ...» // Дружба народов. № 10. 2000.

3. Этот переписанный текст вышел затем под двумя разными обложками в 2004 г. всё в том же «Гелеосе». Так захотел мой издатель. Обе книги имеют подзаголовок: роман-шифр. Мистический триллер. Это абсолютная копия журнальной публикации, коррекция коснулась едва ли двух-трех страниц...

Ваш последний вопрос:

Если Слово в Будущем, то как с ним можно познакомиться? Мы-то не в Будущем. Или это метафора?

Если представить время прямой линией стрелы, вытягивающейся слева направо, то настоящее — точкой — всегда стоит почти что у самого левого края, в начале и одновременно за миг до обрыва, где все тонет в прошлом, но. Но парадокс в том, что — одновременно — настоящее расположено точно посередине этой мысленной стрелы, чтобы создать феномен синхронности, иначе поток бытия из будущего к настоящему в прошлое потеряет связность, перестанет течь. Такова, на мой взгляд, топология времени. Тем самым середина сегодняшнего начавшегося утром дня всегда находится в будущем, позади того, что уже случилось, и потому обладает оттиском того что тамстряслось. Симметрия синхронности не отличает моменты, то, что будет, уже сбылось, т.е. прошло. В сиюминутном будущем открывается нам не как предчувствие, а как припоминание.

(Знание, у Платона род припоминания).

Резюме: Настоящее есть эхо от Слова, водопад слышен задолго до того как мы увидим его.

Проще объяснить не могу.

Ваш Анатолий Королев

1.11.2015.

Москва

P. S.

Не помню, писал ли.

Название романа “Змея в зеркале” строилось мной по принципу присказки: на острове Буяне — дуб, на дубе — сундук, в сундуке — заяц, в зайце — утка, в утке — яйцо, в яйце — игла, кощеева смерть.

Точнее так: На море-океане, на острове Буяне — дуб, на том дубе — цепь, на цепи — сундук, в сундуке — заяц, в том зайце — утка, в утке — яйцо, а в яйце том игла — Кощеева смерть.

Ваш АВ

Дополнение

...Отмечу важность ваших выводов о том, что Новый Завет и все прочие «заветы» это всего лишь часть тотального сверх Текста, который и форматирует по осям симметрии наше бытие.

Что цитирую:

Будущее, крадущееся тайными волчьими тропами в настоящее, символизирует Красная Шапочка, оказывающаяся в таком случае идеалом, подстерегаемым на земных дорогах опасностям искажения.

Именно искажения идеала (маат у египтян, пропорция у греков, норма у христиан) и флуктуации гармонии на земных тропках – по сути – и есть содержание романа, если говорить двумя словами.

Замечу еще, что в паре: волк/шапочка, для меня не менее важны пары: тропа/развилка, бабушка/близость, гостинец/тайна и веревочка/дверь.

Опасность этих сближений угнетает сознание, дверь между суверенными частями открывается с устрашающей легкостью: дерни за веревочку, она и откроется. Важно только знать код (дерни...) и все подчинится тому, кто знает заветное Слово.

Жизнь закодирована ключами/отмычками и потому так тревожна.

Так же точно вы прочувствовали постулат о том, *что борьба героев с текстом, находясь внутри текста, безнадежна.* Одновременно с этим правилом бытия – как тень установки – проступает и другое последствие: чем сильнее мироздание превращается в текст, тем оно уязвимей для дуновений подтекста. Стоит всего лишь подклеить надорванную страничку другой страничкой и палимпсест выходит из-под контроля и все оборачивается катастрофой.

В этом ракурсе вы замечательно продумали смыслы *нашествия текста и мотивы чтения*, встроенные в ткань повествования, ей-ей, я сам как писатель становился пленником своего постава.

Замечу еще, что будущее/прошлое у меня символически выступает как окраска и цвет сакрального предмета, например, Красная Шапочка... на тропе времени она есть отражение фригийского колпака племени времен Французской революции,

который в этом смысле будущее красного дискурса, и с другой стороны – в прошлом – она же и шлем Афины Паллады, залитый кровью богини, и одновременно - блюдо для отрубленной головы Иоанна Крестителя, тоже алое от крови пророка.

<...>

Замечу также, что название романа вибрирует у меня самого, то я пишу корзинка «в руке», то «каковая», то «бежит», то «бегущая»... и все же окончательно название выглядит так:

Змея в зеркале на дне корзинки с гостинцами в руке Красной шапочки, которая бежит через лес по волчьей тропе

18.11.15